

КОМАНДИРОВКА В МЕЧТУ

А. П. Рогов. “Русская культура. Национальные особенности”. Москва, 2009 г. Издательство “Просвещение”, 320 стр., тираж 5000 экз.

... Написать короткую рецензию на такую чудо-книгу – дело почти безнадежное: настолько она интересна и увлекательна, настолько каждый абзац, каждая иллюстрация так и просятся процитировать или воспроизвести их, чтобы убедить читателя сразу раскрыть, погрузиться в неё и, не отрываясь, прочесть до конца.

Каждый, кто сделает это (кому повезёт), убедится, что в этих словах нет обычных комплиментарных и патетических преувеличений, столь свойственных аннотациям ко многим изданиям так называемого “постсоветского” периода. “Русская культура” А. Рогова – едва ли не первый в нашей литературе целостный общий свод сведений и знаний об отечественной культуре – от глубинных истоков её до дня сегодняшнего. Рядом с этой книгой можно поставить разве только знаменитый “Лад” Василия Ивановича Белова: такая же безмерная жгучая любовь к России, такая же сыновняя, не замутнённая высокомерной гордыней, радость открытия всего великого и самобытного, что сотворено на ниве культуры народом-тружеником, народом-мечтателем, народом-творцом.

Книга открывается своеобразной вводной “фотометафорой”: зоркая ширококрылая птица летит над необъятным русским простором. Земля ещё не освободилась от холодного снега, но уже дышит весной обновления. И уже почти протаяла бесконечная дорога, ведущая в неведомую даль... Необычайно сильный, запоминающийся образ!

Надо сразу особо отметить, как любовно и многоцветно, в полном согласии с творческим замыслом и художественным текстом автора, оформили вместе с ним книгу фотомастера А. Заболоцкий, В. Гиппенрейтер и С. Соболев. Анатолий Заболоцкий, известнейший кинооператор, друг В. М. Шукшина, был, кстати, автором фотоснимков и для беловского “Лада”.

Летит вольная птица над русским простором... Листаются страничка за страничкой, движутся глава за главой – и складываются воедино в “учебное издание” (так книга поименована в выходных данных издательства “Просвещение”). Определение в целом верное, но, конечно же, нуждающееся в дополнениях. Да, почти полувековой (!) труд А. Рогова действительно представляет собой капитальный учебно-исторический трактат. Но не только! Самое важное, пожалуй, в том, что это – *живой художественный текст*, пульсирующий страстью, пронизанный токами глубокого патриотического чувства. Открывая много нового, неизвестного даже вполне образованному читателю, книга в то же время словно оживляет многовековое богатство русской культуры в глазах и душах людей, которым выпало жить в тревожном и непредсказуемом XXI веке. Причём следует подчеркнуть особо, что именно А. Рогову удалось – *впервые!* – последовательно, начиная с глубокой древности, про-

следить неразрывные взаимосвязи народного творчества, народной культуры с так называемой “высокой культурой” и профессиональными искусствами цивилизованных веков. Сам автор, утверждая первичность народного творчества, называет его душой, первоосновой всех искусств и литературы.

“Какова душа народная – таковы и его праздники”, – говорит Анатолий Рогов. И в этом замечательном афоризме спрессована одна из главных мыслей его книги: душа народная в трудах тяжких выковывается, зато в минуты отдыха звенит и гудит, и поёт, и страдает. Как в стихах Пушкина: “То разгулье удалое, то сердечная тоска...” Крестьянский труд на земле, его закономерная цикличность и неизбежные тяготы в суровых природных условиях веками формировали русский народный характер, чьими важнейшими чертами стали выносливость и терпение, стойкость и смелость, неприспособленность и поразительная одарённость. А неоглядные просторы Отечества навсегда пронзили русскую душу стремлением к красоте и новизне, к поиску и риску, мечтой о лучшей доле, о воле вольной. “Красота земли нашей неярка, затаённая, но так бесконечно поэтична, что не любить её глубоко и беззаветно – невозможно”, – утверждает А. Рогов. И, подводя итог своим сокровенным размышлениям об особенностях русского национального характера, заявляет убеждённо: “Необычная широта, размах и мощь нашей земли родили в русских такую же широту чувств, понятий и помыслов, а её великие богатства – и великую, вполне законную гордость за неё”; “...жить широко и вольготно – это тоже одна из наших национальных черт”.

Словно поэма, лучащаяся светом, преисполненная запахами свежей древесной стружки и зримыми дивами рукотворных деревянных чудес – крестьянских изб, церквей, домашней утвари, – читается глава роговской книги “Русь деревянная”: “Ничего подобного русскому деревянному зодчеству нет больше нигде на свете”, – говорит автор и тут же сокрушённо вздыхает: “Поди теперь дознайся, сколько бесподобных усадеб, хором, теремов, церквей, изб, крепостей, мельниц и прочего, прочего погибло в пожарах. Сотни и тысячи за века!” Выгорали целые сёла и города, включая матушку Москву. И никаких тебе мраморных обломков, никаких русских Парфенонов...

Внутри векового изыяного народного быта естественно, как трава по весне, рождаются, вырастают и закрепляются в памяти идущих чередой поколений народные предания, поверья, обычаи, обряды. Их неразрывную “материнскую” связь с народным художественным творчеством А. Рогов тщательно прослеживает в первой части своей книги, названной “Изначальное”. И тут снова необходимо подчеркнуть роль блистательного художественного оформления, придающего авторскому тексту дополнительную эмоциональную “подсветку” и энергетику. Изначальное, исконное, древнее смело и органично иллюстрируется фотографиями, репродукциями работ великих русских художников – от Аргунова и Венецианова до Маковского и Куликова, Левитана и Кустодиева, братьев Васнецовых, Билибина и Рериха. Ну а в главе “Иконопись” (как говорится, сам Бог велел) публикуются репродукции творений великого Рублёва, Дионисия, Феофана Грека, Симона Ушакова.

И всё-таки литературный текст главенствует! О чём бы ни рассказывал автор – о старинной одежде, ремёслах, о народных поверьях, обрядах, праздниках, – он находит яркие, точные и нужные слова, сплетающиеся в своеобразное чарующее кружево. И незаметно, от страницы к странице, вырастает в читателе чувство нечистой гордости за своих предков, что умели так украсить, так возвысить красотою свою нелёгкую жизнь.

...Всё-всё в книге читается неотрывно, ненасытно. Приведу в качестве примера всего лишь один, особо запомнившийся сюжет (стр. 64–65) – о праздновании ночи на Ивана Купалу в середине русского лета. Наверное, запомнился и потому, что когда-то в молодости мне тоже довелось прыгать через костры, испытывать неясный мистический страх именно в эту ночь на Купалу.

“А у кого сердце было беспокойное и непугливое, и вовсе забирались в самые глухие лесные чащобы и овраги, – пишет А. Рогов, как бы увлекая в эти чащобы своего читателя. – Искали таинственный цветок папоротника, который, как известно, цветёт только в эту единственную ночь, даже не в ночь, а в какой-то час, отделяющий одну зарю от другой”. И чего только не доведётся испытать этим храбрецам! Чапыжник за рубаху цепляется, лицо в кровь дерёт; на деревьях кто-то жутко хохочет. “И кто-то вроде сзади грузно подкрадывается, тяжело пыхает...” Нечистая сила никак не хочет пускать смело-

го человека к драгоценному тайному кладу, над которым и вспыхивает раз в году всего-то на час волшебный цветок...

Такие «стихотворения в прозе» щедро рассыпаны автором по всей его книге. И ведь всё, о чём он так поэтически повествует, основано не просто на вольной игре воображения, а на прочном фундаменте глубоких познаний в области истории, этнографии, языкознания, фольклористики и т. д. Не забудем: «Русская культура» — это учебное издание. Учебное пособие для обучающихся к великой науке о Родине.

Исторические мотивы, лица и события занимают гораздо больше места в следующих разделах книги: «Два мира» и «XX век». А. Рогов и здесь в целом выдерживает свою счастливо найденную манеру разговора с читателем: серьёзно — но и увлекательно; сугубо научно — но не монотонно, а, как говаривал Фамусов, «с чувством, с толком, с расстановкой». То есть живо, интересно, по-своему.

Размышляя об искусстве, о путях развития народного творчества последних четырёх веков нашей истории, автор исходит из принципиального убеждения, что народная культура России вплоть до XVII века *«была единой как для низов, так и для самых верхов, в едином духовном мире жили все русские: одними преданиями, обычаями, обрядами, привязанностями, художествами, имели схожие вкусы, даже одежды носили хоть и разные по качеству, но похожие»*. И это, по мнению автора, создавало единый русский духовный мир, делало народ монолитным и одухотворённым. Раскол, разлом этого единого мира произошёл именно к концу XVII века. Великий церковный раскол, своего рода «революция сверху» (царь Алексей и патриарх Никон), предопределил и раскол единой народной культуры. «Верхи» (бояре, царская челядь, потом духовенство) отделились и в конце концов отделились от народа, его культуры и быта. Начали щеголять иноземным платьем — а кончилось презрением к черни и забвением родного русского языка... Явился Пётр I, Россию подъявший на дыбы!

Наверное, профессиональные историки найдут в мрачноватых оценках А. Роговым Петровской эпохи какие-то изъяны, консервативную «глухоту» к прогрессу и т. д. А по мне — его позиция, его остро критический взгляд на реформы Петра и особенно их продолжателей представляются пусть и не бесспорными, но глубоко народными. Автор не отрицает эти реформы, но и не восторгается ими. Раскол культур углубляется, первоначальные «расщелины» превращаются в пропасть. Архитектура, театр, музыка, литература — у господ всё теперь было «своё» — не русское, а то немецкое, то французское, то итальянское. «Своих, русских пейзажей (в живописи. — Г. Г.) не было почти до середины XIX века, — жёстко констатирует А. Рогов. — Преобладали картины на сюжеты античной истории, натюрморты, цветы и виды Италии, Швейцарии, французских и шведских городов, гаваней, улочек... И подлинно русской иконописи больше не было. Её уничтожали навсегда».

Но и сквозь булыжник трава прорастает! Подлинно русское, национальное, народное творчество пробивается сквозь чуженину и низкопоклонство дворянской культуры гениями зодчих Захарова, Баженова и Казакова, величайшего энциклопедиста и писателя помора Михайлы Ломоносова, художников Рокотова и Боровиковского. Подробно, вдохновенно рассказав о Шереметевском «художественном гнезде» (стр. 164–171), автор делает парадоксальный, но безупречно точный вывод: «Народ, который подавляющее большинство господ и за людей-то не считало, творил их мир, их культуру».

Всё так, но русское крепостное и «вольное» простонародье продолжало творить не только «их» культуру, но и свою собственную. Не может русский человек без красоты жить и ощущать себя русским! (Не потому ли в нынешние страшные времена всё усиливаются, становятся всё изощрённее накаты зла, безобразия и торгашества на красоту? Одна агрессия модернизма во все залы искусства чего стоит... А «новое прочтение классики» в театре? А как-фония в музыке? Жуть, жуть...)

А. Рогов находит меткое название неодолимому чувству прекрасного в русском национальном характере — «незамерзающие ключи». Именно родниковым чистым ключом, не переставшим струиться сквозь мутную леденящую пену чужебесия, предстаёт перед читателем рассказ о знаменитой хохломской росписи по золочённому дереву. Хохлома была своеобразным «асимметричным» ответом народного творчества на засилье чужеземных искусств и

языков: до 15 миллионов штук диковинных деревянных изделий в год вывозилось только из Нижегородчины по градам и весям всея Руси вплоть до середины XIX века!

Трудится, поёт, не унывает народ “нижнего” из двух миров! И выдвигает из своих глубин людей удивительно талантливых, щедро наделённых разнообразными способностями – избы строить не хуже барских, но по-своему, по-русски; храмы Божьи многоглавые возносить к небесам – и только по-старому; былины, сказки, притчи сказывать, песни сочинять и распевать, грустные и весёлые, трагические и потешные. Читатель узнает из книги историю Ваньки Каина, удивительного человека: был разбойником, потом стал знаменитым сыщиком, грозой воров и бандитов, а ещё автором и исполнителем многих десятков русских песен – одну из них поют до сих пор: “Не шуми ты, мати зелёная дубравушка. . .” Не менее интересны и драматичны жизнь и деяния Ивана Пущошкова, черносошного крестьянина, бросившего “перчатку” самому императору Петру I. Написал он книгу “О скудости и богатстве” и послал её царю для вразумления, за что был заключён в одиночный каземат, где его сгноили до смерти царские слуги. . .

В начале XIX века над Россией восходит солнце пушкинского гения – и рождается в образованных кругах России, крепнет год от года тяготение к родной истории, интерес к народному творчеству, былинам, сказаниям и песням народным. “Верхний мир” начал строить мост через пропасть, отделяющую господ от народа. Однако. . . “Основная масса господ не знала и не хотела знать свой народ”. Об этом в книге – замечательная новелла, посвящённая “западнику” Чаадаеву, предтече нынешних русофобов. “Он был в своей стране ещё более чужим, чем любой иностранец, – сурово резюмирует А. Рогов. – Теми хотя бы двигало любопытство, а он не утруждал себя и этим”. И здесь, в этих горьких обвинительных строчках, отношение автора-патриота к высокомерным и равнодушным либералам-западникам достигает апогея: “. . . слепое, уже врождённое полнейшее национальное невежество”. Как вспомнишь сегодняшних телевизионных завсегдатаев вроде Познера или Марка Урнова, как услышишь по радио “Эхо Москвы” злобное кваканье “демократки” Новодворской, так и подумаешь: живы, живы “чаадаевцы”, притворяющиеся, что они якобы “ненавидят Родину, потому что любят её”. “Самооплётники” – так презрительно называл Ф. М. Достоевский таких “патриотов навыворот”. У них, говорил Фёдор Михайлович, особый дар “в своём одно худое видеть”.

Я обратил внимание на такую особенность в трактовке А. Роговым судьбы П. Я. Чаадаева: вроде был юноша блестящий, даровитый, с обширными познаниями – ну просто будущее всероссийское светило! Но к тридцати шести годам им не было написано ни строчки, тогда как главный адресат его “Философических писем” А. С. Пушкин был в этом возрасте уже в зените своей всенародной славы (и, увы, накануне своей безвременной гибели. . .) Наверное, не зря говорится: Бог шельму метит. Особенно шельму безродную, “беспачпортного бродягу в человечестве”.

Естественно, что “отхлестав” Чаадаева, автор “Русской культуры” далее сосредоточивает своё внимание на “пробудившихся” от морока западничества ярчайших представителях отечественной интеллигенции. Превосходна глава “Не шей ты мне, матушка. . .”, раскрывающая их неодолимое движение к познанию, постижению русского национального характера, “русской сути” родной культуры. И рядом с музыкальным гением Глинкой А. Рогов возвеличивает роль и значение творчества его современников Алябьева, Варламова, Гурилёва. “Глинка, а потом и Даргомыжский в основном уже только закрепляли и развивали найденное ими”, – утверждает автор, особо подчёркивая простонародное происхождение русских “романсеро” (Варламов – сын бедного чиновника, Гурилёв – родом из крепостных крестьян).

Честно говоря, мне это “классовое” распределение приоритетов представляется безупречным. Но оно характерно для автора, убеждённого в первичности “нутряного”, народного начала в развитии русской культуры. Недаром самый ключевой, самый любимый афоризм Рогова (он сам это подчёркивает) – знаменитые слова М. И. Глинки: “Музыку создаёт народ, а мы, композиторы, её только аранжируем”.

Люди громадного пушкинского масштаба и чувствования – так оценивает автор, не скрывая восхищения и сыновней признательности, труды и творе-

ния славянофилов (и особенно А. С. Хомякова), плеяды художников-патриотов, великих композиторов и писателей XIX века. Они совершили громадное историческое дело – “поворот господской культуры к своему народу”. Они способствовали “уничтожению самого страшного из злодеяний – крепостного права”, когда три четверти живших тогда русских и за людей-то не считали. Культура, выступившая в защиту народа, решительно изменила и экономический, и социальный, и нравственный климат в огромной стране.

... В сравнении с предыдущими глава третья – “XX век” (стр. 284–320) оставляет, увы, менее яркое впечатление. Наверное, потому, что человечество и Россия совсем недавно оставили его, этот век, позади – ещё не вызрели объективные исторические оценки, ещё не утихли (куда там!) бушевавшие в нём страсти, ещё не пришло время подводить окончательные итоги. “Большое видится на расстоянии...” Вряд ли можно целиком согласиться с прямолинейной “идеологической” оценкой роли советского искусства или с явной переоценкой “просветительской” деятельности А. В. Луначарского (“понимал народные искусства прекрасно”; “вершил великое множество больших и малых дел”... – а про Ленина и Сталина ни словечка!). Да и обобщения типа: “... русским, только русским национальное в профессиональных литературе и искусстве неизменно, бескомпромиссно запрещалось и запрещалось...” – тоже явно отдают упрощенчеством. Сложнее, гораздо сложнее и противоречивее всё происходило! Так что третья часть книги и особенно последняя её глава “Что впереди?” уже как бы выпадают из “учебного издания”, читаются больше как выражение субъективной позиции автора.

И последнее. Возвращаюсь к оценке труда А. Рогова, высказанной в первых строчках этого отзыва о нём: *чудо-книга*. Вновь и вновь любовно пролистываю её и грущу: лишь немногие счастливицы смогут насладиться этим чудом! Ну что такое 5000 экземпляров?.. Да при неизбежно высокой цене книжки... Остаётся только воскликнуть: спешите в библиотеки, записывайтесь в очередь, погружайтесь в бездонные глубины великой русской культуры! Читайте труд Анатолия Рогова!

Геннадий Гусев